

СОЦИОЛОГИ О СОЦИОЛОГАХ

DOI: 10.19181/socjour.2024.30.3.7

EDN: RDZIUT

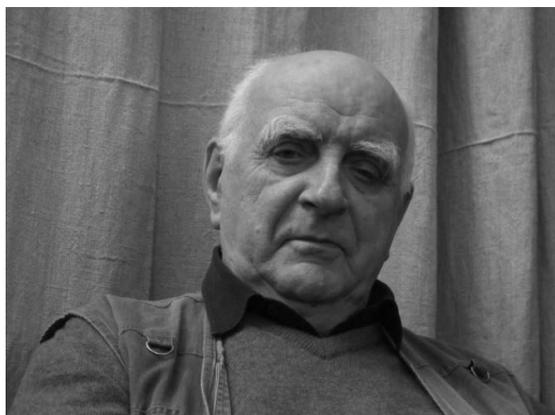

*Л.А. КОЗЛОВА*¹

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН.

109544, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1.

*К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.Н. АЛЕКСЕЕВА
(1934–2017)*

Фото из личного архива З.Г. Вахарловской, ноябрь 2014

ЛИЧНОСТНОЕ ЗНАНИЕ А.Н. АЛЕКСЕЕВА О СОЦИОЛОГИИ И ОБЩЕСТВЕ В АВТОРЕФЛЕКСИИ АВТОРА

Аннотация. Цель статьи — определить методологическую и нравственно-мировоззренческую подоплеку проекта социолога и самобытного социального мыслителя Андрея Николаевича Алексеева (1934–2017), показать, как он осмыслял, развивал и отстаивал свои идеи, работая вне общепринятых эпистемологических и институциональных рамок социологии. Для этого автор статьи выявляет и воспроизводит размышления Алексеева о собственном вкладе в науку, простимулированные критикой его коллег. Оригинальное социальное знание, разработанное Алексеевым, по типу можно отнести к личностному (в терминологии М. Полани), од-

нако самобытность этого знания в том, что оно содержит элементы как саморефлексивности и рефлексивности, так и акционизма.

В первой части текста кратко показано становление «социолога-работе-го». Приводятся ключевые идеи и методы Алексеева, содержащиеся в двух ответвлениях созданного им направления — в «драматической социологии» и «социологической ауторефлексии», описываются их понятийный аппарат и жанровые особенности. Во второй части показаны фрагменты некоторых дискуссий между героем статьи и его научными оппонентами. Как правило, отправной точкой становились рецензии и письма в адрес Алексеева, в которых высказывались сомнения или критические суждения по поводу «драматической социологии» и «социологической ауторефлексии». Рассмотрены авторефлексивные ответы Алексеева его оппонентам — Л.Г. Григорьеву, В.А. Ядову, Д.Н. Шалину, Д.М. Рогозину, в частности по вопросам методологии и этики исследований. Также выявляется точка зрения Алексеева на то, какое место его проект занимает в системе социально-гуманитарного знания, в чем методические и содержательные сходства/различия этого проекта и существующих в этой сфере направлений — автоэтнографии, биографики, публичной социологии, а также какова его связь с литературой и журналистикой.

Ключевые слова: А.Н. Алексеев (1934–2017); «драматическая социология»; «социологическая ауторефлексия»; автоэтнография; наблюдающее участие; «протоколы жизни»; дневники; письма; социолог-рабочий; социолог-испытатель; рабочий-экспериментатор.

Для цитирования: Козлова Л.А. Личностное знание А.Н. Алексеева о социологии и обществе в авторефлексии автора // Социологический журнал. 2024. Том 30. № 3. С. 145–164. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.3.7 EDN: RDZIUT

Введение

Андрей Николаевич Алексеев (22 июля 1934 — 29 сентября 2017) создал оригинальное междисциплинарное направление, которое по типу можно отнести к личностному знанию. Методологически оно отсылает к идеям М. Полани, в которых центральной фигурой познания представлен исследователь с его когнитивными установками. В центре методологии Н.А. Алексеева также находится личность познающего субъекта, стремящегося «неявное» знание об обществе превратить в «явное». Но если Полани оперировал высказываниями, то Алексеев — высказываниями и действиями. В его социологии сочетаются рефлексивный и акционистский подходы, познание осуществляется не только мышлением, но и действием. Алексеев прошел уникальный путь в науке, по сути стерев грань между своей профессиональной и личной жизнью, между собой-человеком и собой-социологом. Это весьма необычно для научного сообщества и, на наш взгляд, требует должного внимания исследователей как в историко-социологическом, так и в эпистемологическом ключе.

В этом тексте автор стремится показать, как именно сам Н.А. Алексеев в дебатах с оппонентами оценивал результаты своей работы, и актуализировать внимание к ним заинтересованных читателей.

Созданное Алексеевым знание по большей части основано на описании и анализе хроник значимых для хроникера (и других людей) общественных и внутринаучных событий, пропущенных через его авторефлексию, — событий, где он был непосредственным и участвующим наблюдателем. Направление состоит из двух главных частей — «драматической социологии» и «социологической ауторефлексии». В таком познании личность исследователя — инструмент, цель — исследование общественных событий в их проблемности и напряженности. При этом исследователь является «действующим лицом». Но, в отличие от других членов общества, он обладает прерогативой наблюдать и изучать социум через его реакции на собственные действия исследователя. Алексеев использовал два основных методических приема — «наблюдающее участие» и моделирование ситуации. Такое познание он считал сродни естественно-научному эксперименту, но от определения своих исследований как «экспериментальной социологии» отказался, посчитав его «слишком “претенциозным”» [9].

Учитывая высокий личностный градус идей и методов Алексеева, которые не вписываются в русло принятой эпистемологии, легко предположить, что отношение к ним социологов было разным — от безоговорочного приятия до полемики, но вряд ли когда-либо безразличным. В числе его многих единомышленников — не только социологи. Но некоторые коллеги критиковали его работы за авторскую самонадеянность, субъективизм, методические недостатки, излишнюю протокольность, литературность и т. д. Автор этой статьи не стремится к сколько-нибудь значительному анализу идей Алексеева, невозможному в ее рамках, к их юбилейной апологетике или критике. Цель статьи — определить методологическую и нравственно-мировоззренческую подоплеку проекта Алексеева, показать, как он осмыслял, развивал и отстаивал его, работая вне общепринятых эпистемологических и институциональных рамок социологии. Для лучшего понимания идей и научных целей Алексеева важно, на наш взгляд, показать его авторефлексию по поводу собственной работы, простимулированную критикой коллег, работы, которой он методично следовал десятилетиями и которую стремился осмыслить и защитить. Авторефлексией наполнены все труды Алексеева, однако его дебаты с коллегами, возможно, наилучшим образом проясняют позиции автора.

Напомним идеи и методы А.Н. Алексеева

Главные социологические труды А.Н. Алексеева — два четырехтомника. Первый — «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (2003–2005) — был посвящен различным обществен-

ным коллизиям [1–4]; во втором) — «Профессия — социолог...» (2010, соавтор Р.И. Ленчовский) [6] — объектом стала жизнь социологического сообщества. Многие секреты своей исследовательской кухни Алексеев приоткрыл в переписке с Б.З. Докторовым¹, собранной в их совместной книге «В поисках адресата» (2012) [7].

Совокупный материал четырехтомников можно сравнить с «кинолентой» о событиях, проходивших в общественной жизни Ленинграда времен «заката застоя», «разбега перестройки» (по выражению Алексеева) и чуть позже (1970–1990-е гг.), о людях и их отношениях в эту переломную эпоху: «...исследуется срез общественной жизни определенного времени, — пишет он, — на примере и сквозь призму индивидуального сознания и поведения (“наблюдающее участие”). Вместе с тем автор пытается “глядеть в себя как в зеркало эпохи”...» [7, с. 433]. В этих же трудах содержатся концептуальные и методические основания исследований автора.

На обороте титульной страницы томов 3 и 4 «Драматической социологии» А.Н. поясняет научной аудитории свой окончательно сформировавшийся взгляд на содержательные и жанровые особенности издания, не похожего на академическое: «В отличие от известных канонов научной монографии, эта работа представляет собой сюжетно выстроенное “социолого-драматургическое” произведение, где результаты исследования предстают не как готовые, а как развивающиеся в процессе их получения. Сюжетообразующим элементом является упомянутый эксперимент — “наблюдающее участие” социолога в социальных процессах... будь то освоение нового оборудования на производстве или самооборона от идеологических и политических обвинений (в середине 80-х гг.). Существенными моментами содержания являются как синхронный с событиями эксперимента самоанализ, так и современная интерпретация поведения социолога-испытателя² и его непосредственного окружения». У читателя сразу может возникнуть ряд вопросов по поводу заявленного «нарушения канонов научной монографии»: что такое «социолого-драматургическое» произведение? что за метод «наблюдающее участие» вместо привычного «включенного наблюдения»? как сочетаются «самоанализ, синхронный с событиями», и «современная интерпретация поведения социолога-испытателя»

---

¹ За последние три года Б.З. Докторов в своем блоге на сайте Проза.ру (URL: <https://proza.ru/avtor/bdbd80&book=7#7>) опубликовал целую серию текстов под общим названием «Нескончаемые беседы с А. Алексеевым», где рассказал о биографии А.Н., его вкладе в науку, своем отношении к коллеге и другу.

² Заметим, что в своих работах А.Н. Алексеев обычно пишет о себе в третьем лице: «социолог-рабочий», «рабочий-экспериментатор», «субъект» и т. п.

и его окружения? Далее попытаемся найти пояснения в авторефлексии Алексеева. Но сначала — несколько слов о научных и личностных поисках, которые привели его к таким социологическим нововведениям.

Путь к профессиональному самоопределению А.Н., по его словам, пролегал через годы «метаний». Окончив филологический факультет ЛГУ по специальности «филолог-славист, журналист (литературный работник газеты)», он несколько лет работал журналистом в Куйбышеве и Ленинграде. После этого несколько раз выходил из своих основных профессий в рабочие: в 1961–1964 гг. — из журналистов в вальцовщики, в 1980–1988 гг. — из социологов в наладчики «Ленполиграфмаша». В промежутках учился в аспирантуре, начиная с 1968 г. работал в академических институтах Новосибирска и Ленинграда, а в 1970 г. защитил кандидатскую диссертацию по философии. Отсюда понятно, почему в своей исследовательской работе Алексеев сочетал навыки социолога, журналиста, литератора. Несколько его выходов «в народ», по его свидетельству, были продиктованы житейскими, а не научными обстоятельствами и целями. Но, видимо, инстинкт исследователя, близкое соприкосновение с общественной жизнью на производстве, свойства характера побудили его к изучению социальных процессов «изнутри». Отрицательным следствием этих «выходов» в конце 1980-х стал обыск по уголовному делу, к которому А.Н. не имел отношения, с изъятием нескольких научных сборников под грифом «Для служебного пользования» и около 800 страниц его рабочих материалов — дневников и писем; исключение из КПСС, Союза журналистов, Советской социологической ассоциации АН СССР и Всероссийского театрального общества, а положительным — дальнейшая отработка метода, распространение его с производственной на другие сферы жизни — общественно-политическую и научную, накопление фактического материала, личностное самоопределение и исследовательская программа.

В 1980–1981 гг. изложение наблюдений, «нащупывание» их методики начались с «Писем Любимым женщинам» (позже «Письма» главами вошли в «Драматическую социологию»). В 2016 г. Алексеев отмечал их в своем блоге как «первую форму описания процесса и предъявления некоторых результатов предпринятого автором в начале 1980-х годов исследования производственной жизни “изнутри”, глазами рабочего» [8]. Это были женщины, не только «любимые» Алексеевым, но и первоклассные профессионалы. Так, получательницами первого письма стали журналист, социолог И.В. Прусс и доктор экономических наук, социолог Р.З. Рывкина. Алексеев назвал это письмо «профессиональным, а также жизненным **“манифестом”**³ со-

---

³ Здесь и далее все шрифтовые выделения принадлежат цитируемым авторам. — Л. К.

циолога-рабочего на начальном этапе эксперимента» [8]; и далее свои исследования он развивал только в коммуникациях. В этом письме А.Н. посвящает адресатов в свой метод активного наблюдения, применяя который рабочий-экспериментатор провоцирует конструктивные действия окружающих, испытывая сопротивление административной структуры, иногда и недовольство рабочих. Цель — не только детально проанализировать ситуацию, но и добиться позитивного решения производственных проблем. Здесь же свой метод он впервые называет «наблюдающим участием». Он отмечает и другие методические инструменты, а также результаты наблюдений: «Перечитав письмо, нахожу, что некоторые высказанные в нем философско-социологические соображения представляют не сугубо личный интерес. А именно: “формула разгильдяйства”, принцип вынужденной инициативы, принцип дозированной ответственности, метод наблюдающего участия, практика “дистанционного управления” снизу, постулат социально-опережающей деятельности...» [8]. Расшифровки перечисленных концептов многократно приводятся и развиваются в работах Алексеева.

Суть главного метода Алексеева — «наблюдающего участия» — изучать социальные ситуации «через целенаправленную активность субъекта, делающего собственное поведение своеобразным инструментом и контролируемым фактором исследования» [1, с. 13], разрешая себе при этом изнутри наблюдаемого процесса вносить в него некие «возмущения», определяемые им самим, то есть этот процесс «моделировать». Последнее — тоже часть метода. По мнению А.Н., так в процессах или явлениях раскрываются скрытые стороны и свойства, которые без подобного воздействия не заявили бы о себе; так частное и заурядное становится моделью общего. Действуя, социолог выступает не просто участником, актором наблюдаемого действия, но в значительной степени драматургом и постановщиком «социологической драмы» [1, с. 14]. Отсюда название подхода — «драматическая социология». Принципы наблюдающего участия Алексеев распространил и на самого себя, тогда и возникла «социологическая ауторефлексия».

«Драматическая социология» накопила обширный документальный материал с интерпретациями, показывающими ситуацию на производстве, закрытую для официальных источников: «...“лукавая” отраслевая и общегосударственная статистика многое намеренно маскировала, а массовые опросы не могли зафиксировать ряда тонких, тщательно оберегавшихся от внешнего наблюдателя сторон жизнедеятельности производственных коллективов, — замечает Б.З. Докторов. — К тому же было заранее ясно, что широкое обсуждение негативных аспектов организации труда рабочих... грозит исследователям массой неприятностей» [12, с. 5].

Авторский метод Алексеева требовал разработки специальных способов подачи результатов исследования. Ими стали сбор и интер-

претация документальных свидетельств — писем, дневников, официальных бумаг, научных или газетных статей. А.Н. пояснял: «Все четыре тома этой не совсем академичной книги [«Драматическая социология»] по существу являются собраниями (композицией...) документов. Документы личные и публичные; житейские, деловые, научные... Хотя личное письмо, хоть дневник (“протокол наблюдающего участия”), хоть справка или обращение в официальные органы, хоть газетная заметка или научная статья — любой письменный “след” биографии и истории, будучи поставлен в определенный контекст, может обрести смысл социологического свидетельства». Более того, по мнению Алексеева, методическое значение имеет и систематизация свидетельств: «...композиция (отбор свидетельств и расположение их в определенных сочетаниях и последовательности, своего рода монтаж...)» является «способом первичной концептуализации, а возможно — и анализа и осмысления» [7, с. 199]. При этом происходят множественные «столкновения» различных индивидуальных интерпретаций и описаний — самого автора или других людей, что выступает особенностью «документально-социологического» жанра. Адекватным способом представления материалов исследования в таком жанре А.Н. считает «именно композицию (иерархию композиций, или “композицию композиций”...) материалов этого исследования». «Причем жанр “Драматической социологии...” (книги!), — добавляет Алексейев, — предполагает попытку сюжетного выстраивания произведения, где результаты исследования предстают не готовыми, а развивающимися в процессе их получения». [7, с. 200]. В данном случае таким сквозным развивающимся сюжетом стал «эксперимент социолога-рабочего» 1980–1988 гг. «с включением множества побочных, “привходящих” жизненных и исторических сюжетов и обстоятельств» [7, с. 200]. Прообразом такого жанра стали личные архивы Алексеева. По тематико-хронологическому принципу построена и «Драматическая социология».

Важным принципом подачи и интерпретации материала Алексейев считает комментирование документов прошлого «из сегодня». Слово для комментариев, или «ремарок», наряду с самим «социологом-испытателем» предоставляется и его «со-актерам», «со-участникам» описываемых событий. Вся эту «многосложную структуру, переплетение сюжетов, времен, жанров» [7, с. 200] автор упорядоченно и прозрачно эксплицирует в пунктах оглавлений, подобных архивным описям, своих обширных изданий так, чтобы читатель мог выбрать интересующие его эпизоды или фрагменты.

Принцип комментирования «из сегодня» Алексейев позаимствовал у философа и культуролога Г. Гачева. «Почти все его произведения, — пишет А.Н., — построены как “перепечатка” записей одного периода жизни, комментируемых по ходу дела им же самим, “сегодняшним”».

И получается: диалог с самим собой» [7, с. 200]. Сам же Гачев в своих «Семейных хрониках» (1994) так поясняет значение своего принципа: записи 1969–1971 гг. «имеют ценность неисправимой достоверности, я их ретушировать не буду, править слог и благообразить: в них именно и характер... и дух места того времени, и аромат жизни... Если же я буду вступать в диалог с самим собой или комментировать, то новые мои слова будут обозначены своими датами. Двухголосие выйдет...» [7, с. 200–201]. Тексты самого Алексеева содержат множество перекрестных диалогов, многоголосие из синхронных и диахронных интерпретаций, сделанных участниками описываемых событий. Для автора такое построение произведений было способом лучше, объемнее репрезентировать происходившие процессы.

Несколько слов посвятим описанию строительного материала композиций «драматической социологии», каковыми стали письма и дневники, или «протоколы жизни». Это для автора — главные формы научной коммуникации (адресованной «самому себе», «другому», «для других») и трансляции личностного знания. В письмах он усматривал потенциал «неявного» знания, способного раскрыться в переписке: «Письмо, адресованное конкретному человеку и потому допускающее преувеличение, недоговоренности, условности, — писал А.Н., — приобретает со временем большую характеристическую ценность, чем взвешенные тексты, предназначавшиеся для публикации. Секрет, видимо, в том, что в письмах сохраняются эмоциональный и интуитивный компоненты, которые необходимы для целостной картины, но которые в научных изложениях принято изгонять...» [1, с. 143].

Среди видов дневников как наиболее для себя важный Алексей выделяет «дневник факта», или «протокол жизни», определяя его так: «...протокол жизни — будь то за определенный период времени, будь то относящийся к отдельному событию — это *первичный личностно-общественный документ*. Он есть *актуальное свидетельство очевидца или действующего лица* (актера), выступающего наблюдающим участником драмы собственной жизни (всегда вплетенной в общественную, и — в пределе — “мировую драму”). Таким образом “протокол жизни” сочетает элементы коммуникации самому себе, другому и для других». Подробные пояснения «протоколам жизни» А.Н. дает, например, в письмах Докторову [7, с. 447–448].

Методология текстов Алексеева и его соавторов сильно отличается от привычных форм социологической аналитики. Оценку этой особенности дал В.А. Бачинин, назвав методологическую конструкцию одной из работ исследователя «новым русским постмодернизмом»: «...это масштабная презентация постмодернистской методологии или, если угодно, методологического постмодернизма, вскормленного... на отечественной духовной почве, выстроенного из собственного интеллектуального и социального материала. Это, так сказать, поч-

веннический постмодернизм...» От европейского постмодернизма его отличает прежде всего цель: это «не игра в социологический бисер, а серьезное, упорное, неуступчивое и мужественное правдоискательство» [10, с. 153]. Сам Алексеев не вполне был согласен с отнесением его социологии к «новому русскому модернизму».

Некоторые эпизоды полемики

Перейдем к сути дискуссий между Н.А. Алексеевым и коллегами по поводу результатов его научной деятельности, обращаясь к цитированию, чтобы предоставить слово самим дискутантам.

Самой ранней стала рецензия в «Социологическом журнале» **Л.Г. Григорьева** (как выяснилось позже, автор выступил под псевдонимом) на первые два тома «Драматической социологии» (2003) [11]. Автор рецензии анализировал не столько содержание томов, сколько свою реакцию на это необычное произведение. Критериями оценок стали «схемы изложения, традиционные для социологии», а также «плотное описание». Григорьев выясняет, что используемым критериям книги Алексеева не соответствуют: нигде не приводятся перечень итогов исследований, проверки гипотез, но постоянно подчеркивается «ценность описания событий как жизненного документа». Вывод такой: «Очевидно, автор придерживается мнения, что результат исследования — это текст интервью, фильм или протокол наблюдений, а не проверка гипотез, получаемых из теоретических представлений»; отсюда предлагается воспринимать двухтомник «не как итог работы автора, а как отправную точку для работы читателя, имеющего намерение лучше понять общество, в котором жил и живет А.Н. Алексеев» [11, с. 180–181].

Григорьев ставит под сомнение метод «наблюдающего участия», предполагающий некое моделирование ситуации, подходя к его оценке не только с методической, но и с моральной позиции. В частности, он считает, что за так называемой «вынужденной инициативой» скрывается способ остаться безнаказанным при любой «антисистемной» активности: «Если представить свою инициативу как вынужденный системой шаг, то окружающие воспримут это с пониманием, то есть вы осуществите экспериментальное воздействие, не поставив под сомнение его системный характер. Соответственно, система отреагирует нормально, так, как бы она реагировала на подобное воздействие в вашем отсутствии» [11, с. 181].

Григорьев полагает, что метод кейс-стади Алексеева адекватен его исследовательским задачам, однако итоги их реализации не считает обоснованными: «Огромное количество неконтролируемых связей на обобщенных уровнях анализа выглядят как динамические (однозначные) закономерности, не требующие обоснования выборочными статистическими средствами» [11, с. 181–182]; «...очевидно, что из

ситуаций автор извлекает только то, что уже присутствует в его представлениях, хотя и не всегда замечает это» [11, с. 184].

Уже по приведенным примерам (а это не полный их перечень) видно, что рецензия Григорьева была весьма критической, однако Алексеев не нашел в ней оснований для серьезной полемики, определив критику как «сайентистскую». Тем не менее он отвечал на рецензию в нескольких публикациях⁴, но не в форме прямого диалога с ее автором, а в виде дополнительных пояснений к своим концепции и методу. В томе 4 «Драматической социологии» он полностью приводит рецензию Григорьева и почти построчно и в сносках критически комментирует написанное — больше с формальной стороны. Называет ее «фельетоном», отмечает ее функции как «рекламную», но и «дезориентирующую», не видит необходимости отвечать оппоненту всерьез. Вместо этого Алексеев там же публикует 12 пунктов [4, с. 203–209], в которых поясняет суть своего исследовательского замысла, отмечая: «...воздержавшись от спора с рецензентом... будь то по принципиальным, будь то по частным вопросам, будь то в собственно научной, будь то в этической плоскости — автор настоящего письма “всего лишь” изложил иной (свой собственный) взгляд на “драматическую социологию и социологическую ауторефлексию”» [4, с. 209]. Он, в частности, выразил надежду, что внес методолого-методический вклад в неклассическую социологическую парадигму; отметил, что подкрепления своим поискам искал в работах А. Швейцера, А. Ухтомского, П. Сорокина (последних лет жизни) и М. Полани. Case-study для автора — основной метод исследования: «Причем в центре рассмотрения — социально-личностный эксперимент и “жизненный случай” самого автора... “Социологическому испытанию” подвергались не только социальные институты, но и сам субъект изыскания» [4, с. 207]. И т. д. Другие пункты своего непрямого ответа Алексеев будет неоднократно пояснять в иных дискуссиях.

В.А. Ядов высказал замечание о несоблюдении Алексеевым некоторых профессиональных этических принципов. Ядов как руководитель Алексеева в 1980-е гг. поддерживал его проект и был хорошо с ним знаком; выступил автором предисловия первой авторской редакции книги об эксперименте социолога-рабочего (1989). В 1999 г. опубликовал рецензию на двухтомник «Драматическая социология (экспери-

---

⁴ Так, в письме Докторову он ориентирует адресата: «Опубликовать свой ответ (“Оборона, которую считаю необходимой и достаточной”), который Л. Козлова озаглавила было “Авторский комментарий к книге”, в том же журнале не удалось. Тогда я включил как саму рецензию, так и текст ответа в том 4 (2005): глава 23 “Эпистемологические дебаты”: с. 122–133; 203–209» (см.: [7, с. 231]). Также Алексеев в томе 2 «Драматической социологии» публикует ту же «авторрецензию» на отзыв Григорьева («Что сказать мне удалось — не удалось») [2, с. 446–449].

мент социолога-рабочего)» (1997). В ней Ядов заметил: «Есть в некоторых текстах А. одна особенность, мне не импонирующая: своего рода амбициозная тональность», добавив наряду с этим, что Алексеев — «фигура действительно совершенно из ряда вон выходящая... Это — человек глубоко нравственный, способный ради утверждения моральных принципов быть жестким» [4, с. 15]. Конкретный смысл определения «амбициозная тональность» не поясняется. Но в одном из писем Докторову А.Н. полушутливо согласился с этим замечанием: оно «совершенно справедливое в отношении “Писем Любимым женщинам”, которые еще тогда были обозваны мною “эпистолярным хулиганством”, а Светлана Минакова (мой давний соавтор и одна из адресатов писем) так даже написала остроумную пародию, начинавшуюся примерно так: “Я вошел в цех и взглянул окрест себя. В воздухе висело разгильдяйство...” ...Особенно в первых письмах с шутливым “ячеством” был перебор»⁵. Этическая дискуссия получила продолжение позже по инициативе другого оппонента.

Дискуссия Алексеева на этические и методологические темы состоялась с **Д.Н. Шалиным**, давним учеником И.С. Кона, а ныне профессором Университета Невады (Лас-Вегас), в нескольких статьях журнала «Телескоп» в 2011–2012 гг. Здесь же, чтобы не перегружать текст, воспользуемся извлечениями из этих и других материалов дискуссии между двумя исследователями, которые сделал сам Алексеев на сайте Cogita.py [14].

Итак, Шалин отметил следующие этические моменты: (1) автор не получил согласие участников эксперимента; (2) не обеспечил их анонимность; (3) процедуры эксперимента подвергли его участников «крайнему стрессу»; (4) они не могли выйти из эксперимента по своей воле; (5) «автор не предоставил возможности респондентам ответить на его критику и сформулировать альтернативную точку зрения на описываемые события». Шалин считает, что отнесение исследований Алексеева к «акционистским» в духе Турена или public в смысле Буравого» не снимает проблему, т. к. оба названных автора соблюдали все эти условия [14].

Алексеев усмотрел в критике Шалина «неадекватное прочтение авторского подхода и метода», сужение понятия натурального эксперимента до «сугубо сайентистской трактовки». В частности, метод наблюдающего участия принимается оппонентом за метод включенного наблюдения.

А.Н. считает, что это можно объяснить следующими причинами: (1) «своего рода органическим отторжением академическим ученым акционистского подхода вообще и — конкретно — логики *познания*

---

⁵ Из электронного письма А.Н. Алексеева Б.З. Докторову от 13 августа 2008 г.

действием, составляющей методологическую суть “драматической социологии”»; (2) «смещением личных и общественных (приватных и публичных) действий и отношений в качестве предмета социологического изучения (на самом деле только вторжение в личную сферу этически запрещено!»); (3) «забвением того обстоятельства, что “драматическая социология” предполагает экспериментальное воздействие на социальный объект не “извне”, а “изнутри”, при постановке исследователем также и себя самого в положение не столько экспериментатора, сколько испытателя и/или испытуемого» [14]. Далее Алексеев добавляет, что при «наблюдающем участии» действуют совсем иные критерии, чем те, которые применяются в экспериментах типа Хоторнского или Стэнфордского. Для него очевидно, что не требуется брать разрешение у заводского начальства на то, чтобы его служебная деятельность и поведение производственного коллектива «стали предметом профессионального внимания социолога-рабочего». А.Н. прямо высказывает нежелание детально обсуждать этические сомнения своего оппонента, вынося их за пределы рационального, в область нравственного. Он также поясняет, что в гуманитарных науках, как и в искусстве, «есть вещи, которые не требуют доказательств, а принимаются или отвергаются на уровне едва ли не подсознания и нравственного чувства» [14].

Заключительным аккордом дискуссии об этике кажутся слова Алексеева: «И риторический вопрос: “Имеет (ли) мы право вовлекать сограждан в наши эксперименты, можем мы это делать без их согласия, правильно ли раскрывать имена участников событий, и в какой степени мы отвечаем за последствия эксперимента?”... исключает универсальный ответ. Ответ может быть лишь **ситуативным**, с учетом всей совокупности внешних и внутренних факторов и обстоятельств» [14]. Казалось бы, дискуссия закончена. Но годом позже в своей статье «Защита наблюдающего участия» (2012) Алексеев счел необходимым ответить оппоненту более подробно на примере своей «Драматической социологии».

Так, раскрывая свои методические и этические принципы, А.Н. еще раз подчеркивает, что эксперимент проводился с использованием метода наблюдающего участия (а не включенного наблюдения), при котором статус социолога-экспериментатора не скрывался, «а сама логика “познания действием”... охотно обсуждалась с теми товарищами по труду, кто проявлял к этому интерес». В «Письмах Любимым женщинам» все действующие лица были под псевдонимами, предприятие не называлось. «Но как быть, — сетует Алексеев, — когда сами же “герои” себя “рассекретили”, подписывая документы и совершая **публичные** поступки, получившие широкую огласку? Здесь “деликатность” исследователя была бы по меньшей мере бесполезной» [14].

По мнению Алексеева, оппоненту не удалось разглядеть, что если стратегия включенного наблюдения — «мимикрирующая», то стратегия наблюдающего участия — «акционистская».

С учетом сказанного, А.Н. считал, что для него не существовало проблемы «согласия на проведение “с ними” [участниками. — Л. К.] (sic!) натурального эксперимента». «Ну какое может быть предварительное “получение разрешения”, — пишет он, — на то, что составляет самый “образ жизни”, предмет повседневной деловой и/или этической практики субъекта?..» Алексеев настаивает на следующем принципе, применение которого, по его мнению, дает гарантию не затрагивать приватной сферы участников натурального эксперимента на производстве: для этого следует рассматривать людей как членов института, их социальные роли и функции. Он пишет, что проводил «эксперимент не “с” людьми и уж тем более не “над” людьми, а имел своим объектом и “материалом” социальные институты, отношения, функции, социальные роли (пусть персонально воплощенные). И не затрагивал, понятно, частных, приватных сфер жизнедеятельности личности (что вообще дело не социологов, а психологов и/или психотерапевтов)». Шалин возразил: «Столь резкое разделение ролей/институтов и носителей/субъектов вызывает сомнение с точки зрения социального интеракционизма» [14].

Еще один принципиальный момент дискуссии. Шалин поставил вопрос, не влечет ли за собой нежелательные социальные последствия акционистская позиция Алексеева: «Социолог-рабочий, социолог-наладчик, социолог-экспериментатор — Андрей также выступал в роли социолога-акушера (“перемен не надо ждать, перемены надо делать”), и здесь возможны серьезные издержки, связанные с преждевременными родами, вызванными поспешными действиями социолога-новатора» [14]. В отношении заковыченного принципа А.Н. выразил свою не столько исследовательскую, сколько гражданскую позицию: «...все естественно-исторические процессы суть не что иное, как совокупная активность людей. Если все будут только “ждать” перемен, то кто же будет их “делать”»? [14].

Подытоживая дискуссию с Шалиным, Алексеев, в соответствии со своими принципами личностного знания, переносит источник разногласий в человекоцентричную плоскость исследовательской деятельности: «...наши различия в подходах к одинаковым и/или сходным вещам имеют межкультуральный характер, коренятся в различиях ментальности. Вы... уже больше половины жизни живете в США, я — всю жизнь в России. У нас — общие корни, но разные среды обитания, жизненный опыт, научные этосы. Очевидное (*точнее было бы сказать: “естественное”*. — А. А.) для меня может казаться странным Вам, и наоборот. Не отсюда ли и некоторые расхождения в тех методологических и этических позициях, которые (позиции) для нас принципиальны?»

Здесь не стоит спорить, а просто иметь в виду, что возможен и совсем другой взгляд на вещи, другое видение» [14].

В статье «Как работает автоэтнография» (2015) [16] **Д.М. Рогозин** в обзор публикаций по современным автоэтнографическим подходам, вышедших в свет с начала 2000-х гг., включил и «драматическую социологию» А.Н. Алексеева. Коллизия спора между двумя исследователями, как нам представляется, построена на следующем: Рогозин критикует Алексеева за то, что тот не относит к автоэтнографии свою «драматическую социологию», поскольку не знаком с работами автоэтнографов, хотя она находится «в одной традиции, например, с работами Тони Адамса или Стеси Холман Джонс». Отмечая, что допускает «сильный волюнтаризм», Рогозин тем не менее пишет: «...напрямую связываю теоретические, методические и прагматические построения Андрея Николаевича с автоэтнографией. Другими словами, драматическая социология Алексеева — это не что иное, как российское направление автоэтнографии» [16, с. 241]. В ответ Алексеев указывает на приписывание Рогозиным «драматической социологии» свойств автоэтнографии: первая возникла на десятилетие ранее, чем вторая, то есть в 1980-е гг. «В ту пору и позже, — поясняет он, — “социолог-испытатель” если и пробовал соотносить с кем-либо свои методологические поиски, то с социальными исследователями постарше: Швейцером, Шюцем, Гарфинкелем, Гофманом, Турэнном, М. Полани. Ч.Р. Миллсом, А. Любищевым, В. Шубкиным...» [9]. Главное эпистемологическое отличие «драматической социологии» от автоэтнографии А.Н. видит в несовпадении их объектов и методов, которые лишь кажутся одинаковыми. Так, автоэтнограф, по его мнению, «изучает СЕБЯ, включенного в определенный социум, для постижения этого социума (среды, культуры, сообщества), поскольку он отображается в его (исследователя) сознании, психике, деятельности»; для автора «драматической социологии» его собственная личность — «не объект и не предмет, а прежде всего ИНСТРУМЕНТ, средство исследования. Поскольку он есть ДЕЙСТВУЮЩЕЕ лицо, постигающее окружающий социум, в том числе через его (социума) реакции на действия исследователя» [9].

Вместе с тем «социологическую ауторефлексию» Алексеев определяет как своего рода синоним автоэтнографии, отмечая родство первой с идеями автоэтнографов Л. Андерсона, А. Бочнера и К. Эллис. Однако накрепко соединяет ее с другой необходимой составляющей своей работы. «Драматическую социологию» и «социологическую ауторефлексию» он называет «категориальной парой, понятийной связкой, ибо одно сочетается с другим и происходит взаимная подпитка рефлексии и действия» [9].

Рогозин критикует Алексеева и за то, что, применяя в «драматической социологии» автобиографические исследования, тот многое не

раскрывает о себе как личности, что в ней отсутствует элемент интимности, присущий автобиографиям. В ответ Алексеев призывает оппонента различать «автобиографическое» и «автоэтнографическое» и не видеть в «драматической социологии» то, чего там нет. Ведь ее предмет, пишет он, — «вовсе не отображение социума в личности, а внешние — вовсе не конфиденциальные — взаимоотношения личности и социальных институтов, социальные ситуации, “театр жизни на заводских подмостках” и т. п. А раз театр — значит, нечто публичное» [9].

По мнению Рогозина, название «драматическая социология» можно было бы заменить на «архивную автоэтнографию». Почему? Основной задачей Алексеева Рогозин видит составление и обслуживание архива, создание навигации по нему. Все обобщения — вторичны. «Авторские ремарки и комментарии, система оглавления, лаконичные обобщения и методологические заметки — лишь подчеркивают подчиненный характер любых генерализаций» [16, с. 247]. Алексеев назвал «архивную автоэтнографию» очередным «ярлычком». Отмежевывается он и от отождествления «драматической социологии» с квир-идеологией (теорией), от трактовки первой как «типичного» включенного наблюдения, поясняет отличие наблюдающего участия от методов автоэтнографии [9].

Заключение

Работу, которую А.Н. Алексеев проделал в науке, можно считать «штучной», ей трудно подражать, а повторить и вовсе невозможно, поскольку она напрямую обусловлена биографией и личностными качествами исследователя, принадлежащими только ему. Но результаты этой работы он адресовал научному сообществу и обществу. Они ценны не только ответами, но и вопросами, поставленными перед эпистемологией, эвристическим потенциалом, этическими нормами социологии. Наследие Алексеева пока в недостаточной степени воспринято и слабо освоено социологами. Возможно потому, что оно своеобразно, не вполне академично, отмежевано от известных направлений социального знания, находится на стыке науки и литературы, трудно для восприятия. Между тем его работы включают теоретическое описание и многолетнюю апробацию познавательных инструментов, и не исключено, что они могли бы расширить имеющийся арсенал качественной методологии. Созданный Алексеевым архив — это огромный массив документальных и дневниковых первичных данных, содержащий тысячи страниц хроник российской жизни предыдущих десятилетий, который может быть полезен для историко-социологических исследований⁶. Докторов подметил еще одно значение рас-

---

⁶ Этот массив после смерти А.Н. Алексеева усилиями его жены З.Г. Вахарловской и социолога В.В. Костюшева был систематизирован и передан на хранение в Архив истории науки и культуры ЕУСПб. На

смагриваемого наследия, охарактеризовав его как «явление культуры периода завершения советского общества и начала постсоветской России», а потому, по его мнению, оно «должно изучаться в системе культурологических и социально-политических категорий» [13, с. 42].

Алексеев не избегал критики, но, напротив, в дебатах пытался лучше определить и выразить собственную позицию. В этой статье представлена их малая часть. В книге «В поисках адресата» (2006) после полного выхода в свет «Драматической социологии» А.Н. аккуратно и самокритично перечислил все рецензии и отклики коллег на это произведение⁷, опубликованные по ходу его создания [7, с. 233–236] (но дискуссии продолжались и позже), снабдив список этой ремаркой — инструкцией для прочтения: «...Здесь представлен широкий и, можно сказать, противоречивый спектр взглядов, позиций, интерпретаций как самого эксперимента социолога-рабочего, так и его отображения в авторских публикациях, предшествовавших настоящей книге. Каждую из этих “версий” следует воспринимать с учетом ее датировки, т. е. в историческом контексте. Недостаток объективности, односторонность нетрудно усмотреть как в “обличениях”, так и в “панегириках” (в адрес социолога-испытателя), порожденных разными обстоятельствами места и времени. Адекватная характеристика реальному феномену может быть извлечена из диалога и сопоставления разных точек зрения, включая диаметрально противоположные» [7, с. 233].

Завершим парой фрагментов из книг философа К. Свасьяна, которые цитировал, расставляя акценты, А.Н. Алексеев и которые, по-видимому, были максимами его социологической работы:

«Парацельс мог бы сказать то именно, чего никогда не сказал бы Бэкон (из страха прослыть необъективным): **метод — это я**. Победа Бэкона уже вытекала из элементарнейших **последствий** этого различия; ближайшее последствие гласило: усвоить метод Парацельса — значит стать самому *sui generis* Парацельсом; наука — это человек, и, следовательно, **настоящая наука — это настоящий человек...**»;

«...вот самопервейшая тайна Гёте: простая и просветленная максима, перевешивающая библиотеки: **“Всё фактическое есть уже**

основе материалов и документов фонда Алексеева коллеги создали сайт его памяти, где отразили основные этапы личной и творческой биографии ученого: Вселенная Андрея Алексеева // Европейский университет в Санкт-Петербурге [электронный ресурс]. Дата обращения 21.06.2024. URL: <http://arch.eu.spb.ru/ANAlexeev90-6>

⁷ Список назывался так: «**Перечень всевозможных отзывов на “драматическую социологию” (как исследовательскую или жизненную практику, так и ее отображение в текстах)**, которые представлены непосредственно в книге: А.Н. Алексеев. *Драматическая социология и социологическая ауторефлексия*. Т. 1–4. СПб.: Норма, 2003–2005».

теория... Не следует только ничего искать за феноменами; они сами составляют учение". Это значит: поменьше слов, побольше испытующего взгляда. И самая неприметная **вещь** научит нас больше, чем громокипящие слова о последних тайнах мироздания...» [4, с. 209].

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Козлова Лариса Алексеевна — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, Сектор социологии науки, Институт социологии ФНИСЦ РАН. **Телефон:** +7 (499) 120-82-57. **Электронная почта:** LarissaKozlova@yandex.ru

---

Research Article

LARISSA A. KOZLOVA¹

¹ Institute of Sociology of FCTAS RAS.

5 bl., 1, Bolshaya Andronievskaya str., 109544, Moscow, Russian Federation.

A.N. ALEKSEEV'S PERSONAL KNOWLEDGE OF SOCIOLOGY AND SOCIETY AS DESCRIBED IN THE AUTHOR'S SELF-REFLECTION

Abstract. The aim of this article is to identify the methodological and moral-ideological underpinnings of the project by Andrei Nikolaevich Alekseev (1934–2017), and to show how he conceptualized, developed and advocated for it, working outside the generally accepted epistemological and institutional framework of sociology. With this goal in mind, the author of this article cites Alekseev's own reflections on his contribution to the discipline that were inspired by his colleagues' critiques, while avoiding making any judgments of her own. The original social knowledge developed by Alekseev can be described as personal (in the words of M. Polanyi), but while containing elements of self-reflexivity and reflexivity, as well as actionism.

The initial portion of the text gives a brief summary on the making of a "working sociologist". Also Alekseev's key ideas and methods are touched upon, those contained within two segments of the field that he established — within "dramatized sociology" and "sociological autoreflection", also the specifics of these concepts and genres are described. The second part of the article includes excerpts from discussions between the star of this article and his scientific opponents. Typically the article would refer to reviews and letters addressed to Alekseev in which his colleagues would express their doubt or criticize "dramatized sociology" and "sociological autoreflection". Shown are Alekseev's self-reflective responses to his opponents — L.G. Grigor'ev, V.A. Yadov, D.N. Shalin, D.M. Rogozin, particularly on the topic of methodology and research ethics. It also outlines Alekseev's perspective when it comes to how his project fits into the established system of social-humanitarian knowledge, what are the methodical and substantive similarities and differences when comparing to existing directions in this field — auto-ethnography, biographics, public sociology, as well as the connection to literature and journalism.

Keywords: A.N. Alekseev (1934–2017); "dramatized sociology"; "sociological autoreflection"; auto-ethnography; observational participation; "protocols for life"; diaries; letters; working sociologist; tester-sociologist; worker-experimenter.

For citation: Kozlova, L.A. A.N. Alekseev's Personal Knowledge of Sociology and Society as Described in the Author's Self-Reflection. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal. 2024. Vol. 30. No. 3. P. 145–164. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.3.7*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Larissa A. Kozlova — Candidate of Philosophical Sciences, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS. **Phone:** +7 (499) 120-82-57.
Email: LarissaKozlova@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Алексеев А.Н.* Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. В 4 т. Т. 1. СПб.: Норма, 2003. — 592 с.
Alekseev A.N. Dramaticheskaya sotsiologiya i sotsiologicheskaya autorefleksiya. [The Dramatized Sociology and Sociological Autoreflexion.] In 4 volumes. Vol. 1. St Petersburg: Norma publ., 2003. 592 p. (In Russ.)
2. *Алексеев А.Н.* Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. В 4 т. Т. 2. СПб.: Норма, 2003. — 480 с.
Alekseev A.N. Dramaticheskaya sotsiologiya i sotsiologicheskaya autorefleksiya. [The Dramatized Sociology and Sociological Autoreflexion.] In 4 volumes. Vol. 2. St Petersburg: Norma publ., 2003. 480 p. (In Russ.)
3. *Алексеев А.Н.* Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. В 4 т. Т. 3. СПб.: Норма, 2005. — 808 с. EDN: QOBWXD
Alekseev A.N. Dramaticheskaya sotsiologiya i sotsiologicheskaya autorefleksiya. [The Dramatized Sociology and Sociological Autoreflexion.] In 4 volumes. Vol. 3. St Petersburg: Norma publ., 2005. 808 p. (In Russ.)
4. *Алексеев А.Н.* Драматическая социология и социологическая ауторефлексия: В 4 т. Т. 4. СПб.: Норма, 2005. — 536 с. EDN: QOBWXD
Alekseev A.N. Dramaticheskaya sotsiologiya i sotsiologicheskaya autorefleksiya. [The Dramatized Sociology and Sociological Autoreflexion.] In 4 volumes. Vol. 4. St Petersburg: Norma publ., 2005. 536 p. (In Russ.)
5. *Алексеев А.Н.* Познание через действие. Так что же такое «Драматическая социология» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 5. С. 11–23. EDN: PGLBFV
Alekseev A.N. Cognition through action. So what is “Dramatized Sociology”. Teleskop: nablyudeniya za povsednevnoi zhizn'yu peterburzhtsev. 2006. No. 5. P. 11–23. (In Russ.)
6. *Алексеев А.Н., Ленчовский Р.И.* Профессия – социолог. Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН – 2008 / 2009 и не только. Наблюдения, документы, рефлексии. Т. 1–4. СПб.: Норма, 2010.
Alekseev A.N., Lenchovskii R.I. Professiya — sotsiolog. Iz opyta dramaticheskoi sotsiologii: sobytiya v SI RAN — 2008/2009 i ne tol'ko. Nablyudeniya, dokumenty, refleksii. [Profession — sociologist. From the experience of Dramatized Sociology: events in the SI RAS — 2008/2009 and beyond. Observations, documents, reflections.] Vols. 1–4. SPb.: Norma publ., 2010. (In Russ.)

7. *Алексеев А., Докторов Б.* В поисках Адресата. Переписка двоих с постепенным расширением круга тем и участников (февраль — октябрь 2006 г.). СПб. — Foster City, 2012. — 471 с. [электронный ресурс]. Дата обращения 19.08.2024. URL: https://cdclv.unlv.edu/archives/correspondence/aa_bd_letters.pdf
Alekseev A., Doktorov B. *V poiskakh Adresata. Perepiska dvoikh s postepennym rasshireniem kruga tem i uchastnikov (fevral' — oktyabr' 2006 g.)*. [In search of the Addressee. Correspondence between two people with a gradual expansion of the range of topics and participants (February — October 2006)]. SPb. — Foster City, 2012. 471 p. Accessed 19.08.2024. URL: https://cdclv.unlv.edu/archives/correspondence/aa_bd_letters.pdf (In Russ.)
8. *Алексеев А.Н.* Письма Любимым женщинам. (Эксперимент социолога-рабочего). Блог А.Н. Алексева // Cogita!ru [электронный ресурс]. Дата обращения 14.08.2024. URL: <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-pisma-lyubimym-zhenschinam-eksperiment-sociologa-rabocheho>
Alekseev A.N. Pis'ma Lyubimym zhenshchinam. (Eksperiment sotsiologa-rabocheho). Blog of A.N. Alekseeva. [Letters to Beloved Women. (Experiment of a sociologist-worker). Blog of A.N. Alekseev.] *Cogita.ru*. Accessed 14.08.2024. URL: <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-pisma-lyubimym-zhenschinam-eksperiment-sociologa-rabocheho> (In Russ.)
9. *Алексеев А.Н.* Алексеев vs Rogozin. Об автоэтнографии и «драматической социологии». Блог А.Н. Алексева // Cogita!ru [электронный ресурс]. Дата обращения 03.08.2024. URL: <http://cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/alekseev-vs-rogozin-ob-avtoetnografii-i-dramaticheskoi-sociologii>
Alekseev A.N. Alekseev vs Rogozin. About autoethnography and “Dramatized Sociology”. Blog of A.N. Alekseev. *Cogita.ru*. Accessed 03.08.2024. URL: <http://cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/alekseev-vs-rogozin-ob-avtoetnografii-i-dramaticheskoi-sociologii> (In Russ.)
10. *Бачинин В.А.* Алексева А.Н., Ленчовский Р.И. Профессия — социолог. Из опыта драматической социологии: События в СИ РАН — 2008/2009 и не только. Документы, наблюдения, рефлексии. В 4 т. СПб.: Норма, 2010 // Социологические исследования. 2011. № 4. С. 153—156.
Bachinin V.A. [Rev.] Alekseev A.N., Lenchovskii R.I. Profession — sociologist. From the experience of Dramatized Sociology: events in the SI RAS — 2008/2009 and beyond. Observations, documents, reflections. Vols. 1—4. SPb.: Norma publ., 2010. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2011. No. 4. P. 153—156. (In Russ.)
11. *Григорьев Л.Г.* Алексева А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия: В 2-х т. СПб.: Норма, 2003 // Социологический журнал. 2003. № 2. С. 180—183. EDN: PZQNXH

- Grigor'ev L.G. [Rev.] Alekseev A.N. The Dramatized Sociology and Sociological Autoreflexion: In 2 Vols. SPb.: Norma publ., 2003. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2003. No. 2. P. 180–183. (In Russ.)
12. Докторов Б.З. Пессимист по наблюдениям и оптимист по убеждениям. Научные и нравственные основы «драматической социологии» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2009. № 4. С. 2–11. EDN: KYWVTD
Doktorov B.Z. Pessimist by observations and optimist by convictions. Scientific and moral foundations of “dramatic sociology”. *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy*. 2009. No. 4. P. 2–11. (In Russ.)
13. Докторов Б.З. Уникальное историко-биографическое наследие А.Н. Алексеева // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2018. № 5. С. 40–42. EDN: VCFBIM
Doktorov B.Z. The unique historical and biographical heritage of A.N. Alekseev. *Teleskop: nablyudeniya za povsednevnoi zhizn'yu peterburzhtsev*. 2018. No. 5. P. 40–42.
14. Драматическая социология глазами Д. Шалина, В. Ядова и А. Алексеева. (Дата создания 16.02.2016). Блог А.Н. Алексеева // Cogita!ru [электронный ресурс]. Дата обращения 22.08.2024. URL: <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/dramaticheskaya-sociologiya-glazami-d-shalina-v-yadova-i-a-alekseeva>
Dramatized Sociology through the eyes of D. Shalin, V. Yadov and A. Alekseev. (Created on 16.02.2016). Blog of A.N. Alekseev. *Cogita!ru*. Accessed 22.08.2024. URL: <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/dramaticheskaya-sociologiya-glazami-d-shalina-v-yadova-i-a-alekseeva> (In Russ.)
15. Полани М. Личностное знание: На пути к посткритической философии / Пер. с англ.; Общ. ред. В.А. Лекторского, В.И. Аршинова; Предисл. В.А. Лекторского. М.: Прогресс, 1985. — 344 с.
Polanyi M. Personal Knowledge: Towards Post-Critical Philosophy. [Russ. ed.: *Lichnostnoe znanie: Na puti k postkriticheskoi filosofii*. Transl. from Eng.; Ed. by V.A. Lektorskii, V.I. Arshinov; Foreword by V.A. Lektorskii. Moscow: Progress publ., 1985. 344 p.]
16. Рогозин Д.М. Как работает автоэтнография // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14. № 1. С. 224–273. DOI: 10.17323/1728-192X-2015-1-224-273
Rogozin D.M. How Autoethnography Works. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 2015. Vol. 14. No. 1. P. 224–273. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 03.07.2024; поступила после рецензирования и доработки: 30.08.2024; принята к публикации: 11.09.2024.

Received: 03.07.2024; revised after review: 30.08.2024; accepted for publication: 11.09.2024.